

РЕКРУТ

Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим),
напечатано здесь с разрешения автора

Благодарим мы Тебя ... за знамения и за избавление, и за грозные явления, и за победы, которые содеял Ты для отцов наших в те дни, в это время года. В дни Матитьяху, сына Йоханана Первосвященника, Хасмоней и его сыновей поднялось злое эллинское царство против народа Твоего Израиля, чтобы заставить их забыть Твою Тору и нарушить Твои законы. Но Ты в великой милости Своей постоял за Свой народ, находившийся в беде. Повел Ты борьбу за их дело, отстоял их права, отомстил за них. Отдал Ты сильных в руки слабых и многочисленных в руки немногих, нечистых в руки чистых и злодеев в руки праведников, и надменных в руки изучающих Тору Твою. А затем пришли сыновья Твои в Святую Обитель Твою и очистили Храм Твой, и облагородили то место святое, и зажгли свечи во дворах Твоей Святыни. И установили тогда эти восемь дней Хануки как праздник, чтобы возносить благодарность и хвалу Твоему великому Имени.

(Из молитвы «Аль ХаНусим», которая произносится в Хануку)

Заметив, что философ Филодем пересек двор и направился к нему, Фидий переполнился дурными предчувствиями. Филодем, хотя и сам еврей, был самым строгим и педантичным преподавателем эллинизма в греческой школе Иерусалима, в которой учился Фидий, и при одном его виде Фидию становилось очень не по себе

— Так, Фидий, — сказал учитель, — давай послушаем поэму, которую ты должен был сочинить. Надеюсь, что на этот раз ее строфы не пускаются в такую же нестройную и отвратительную пляску, какую только что вытворял ты!

Как всегда, Филодем не упустил случая напомнить Фидию о его неуклюжей манере передвигаться и говорить. Виноват ли он в том, что перешел в эту школу, только когда ему уже исполнилось двенадцать лет? Его послал сюда дядя после смерти отца, до этого он учился в еврейской школе, и звали его Йосефом.

Все эти три года Фидий очень старался стать настоящим греком, ибо восхищался греческой культурой. Но все никак не получалось, не мог он стать таким, как все, и над этим он и размышлял за последний час вместо того, чтобы сочинять поэму.

Да, он хорошо успевал в геометрии и натурфилософии и потихоньку улучшал произношение и стиль речи. Но ему трудно давались предметы истинной культуры.

Р Е К Р У Т

Например, он все еще испытывал ужасную застенчивость во время спортивных состязаний, когда нужно было выступать голышом, и его движения были весьма неуклюжи.

— Вот единственный малый, которому никогда не доведется бегать в Олимпии! — говорил учитель спорта. И как все дружно смеялись!

Он отдал бы все, чтобы быть таким, как все! Ходить и говорить как настоящий грек, бросать диск так же изящно, как это изображено на точной копии статуи самого Мирона Афинского, стоящей в их спортзале, а не как галилейский пастух, кидающийся камнями в своих собак, — так выразился учитель.

Или искусство полемики. Его преподаватели или лучшие ученики, например, могли опровергнуть самые веские доводы по любой заданной теме, даже по поводу сущей чепухи. Но всякий раз, когда пытался выступать Фидий, преподаватель ему говорил:

— Ты орешь, как какой-нибудь из ваших старых пророков, да еще и в александрийском переводе. Нельзя ли прекратить горлопанить, и начать приводить логические аргументы?

И они были правы. Он выставял себя на посмешище при каждом выступлении, независимо от того, насколько верной была его точка зрения. Конечно, было много учеников, которым вообще нечего было сказать, но их никто не порицал, если они проявляли способности в гимнастике.

Нет, думал Фидий, никогда и ни в чем он не сможет отличиться. Наверное, он в конечном итоге станет каким-нибудь писцом, или, если повезет, архитектором. Но, как бы того ни хотелось, стать настоящим культурным человеком он просто не мог.

А была еще и религия. Он был освобожден от обязанности совершать жертвоприношения, но должен был присутствовать на церемониях и наблюдать, а это было воистину противно. Вообще-то, многое в этих церемониях было зрелищем весьма красивым. Но ведь он знал, что все это *ложь*. Все эти боги, в которых верили греки! Они грабили и убивали друг друга, как худшие из людей. Иногда это заставляло Фидия сомневаться в том, что греки и вправду так умны, как то казалось. Конечно, он ничего не говорил. Сократ погиб потому, что поставил под сомнение существование богов, а он был великим философом, даже если с ним не всегда надо было соглашаться. Как же будет выглядеть попытка маленького еврейского мальчика реформировать греческую религию? Да его просто убьют как собаку!

И все же, почему греки хотели, чтобы евреи перенимали у них *всё*? Почему нельзя изучать греческую культуру, но продолжать соблюдать религию отцов?

Увы, свою собственную религию он почти не соблюдал. Он иногда молился, но не так, как надо — забыл слова. Если бы он жил среди евреев, он бы уже надевал Тфилин – тот самый, что купил ему отец, когда он еще не достиг возраста, когда его одевают, и который хранила для него мать. Когда была возможность, он не ел свинины, да и мясо

Р Е К Р У Т

вообще, если было возможно. Иногда ему приходилось писать в Шаббат, но что он мог поделаться? Ведь он должен был повиноваться своему дяде!

Обо все этом думал Фидий, вместо того, чтобы сочинять поэму. И теперь ему придется подыскать наилучшее оправдание...

— Извините, — сказал Фидий, — но мне не удалось сосредоточиться на поэме.

— Понимаю, — заметил учитель, как всегда, загадочно улыбнувшись, — я так и думал. Возможно, твои мысли были заняты инцидентом, произошедшим в Модиине? Ну и кашу заваривают там ваши священники! Ладно, не важно; лучше представь себе, что выступаешь на уроке полемики, и изложи мне свое мнение по этому вопросу.

Фидий действительно думал о том инциденте, хотя и не сейчас. Его обсуждали повсюду, и мнения были самыми разными, от одной крайности до противоположной. Фидий обдумал все это и пришел к своему собственному мнению, которое, как он полагал, было самым взвешенным.

Произошло следующее: несколько греческих священников в сопровождении солдат прибыли в городок Модиин, чтобы заставить тамошних жителей принести жертву Гермесу. Такое делалось по всей стране по распоряжению правительства. Но в Модиине произошел инцидент. Живший в том городе Матитьяху Хасмонеи, пожилой и набожный Кохен, выхватил меч у солдата и убил некоего еврея, который принес жертву. Затем, подняв окровавленное оружие, он изрек древний призыв: «Кто за Б-га — за мной!» К нему присоединились многие местные жители, и сирийцам пришлось бежать. Мятежники ушли в горы, и правительство собирало силы, чтобы их выловить. Но было известно, что все многие евреи присоединяются к мятежникам, и правительственным войскам, вероятно, будет оказано сопротивление — хотя, конечно, долго это продержаться не может.

Фидий быстро прошелся в уме по основным пунктам своей точки зрения и начал излагать как можно более красноречиво:

— На мой взгляд, восстание в Модиине должен осуждать любой здравомыслящий человек. Вооруженное восстание против правительства никогда не является правильным и демократичным способом улаживания разногласий. В то же время, должен сказать, что местные власти и их исполнительные органы также несут на себе долю ответственности за случившееся, ибо своей нетерпимостью к еврейским верованиям — которая, между прочим, противоречит традициям греческого просвещения — задела чувства национальной гордости местного населения. Они должны были довольствоваться распространением греческой культуры мирным путем, как это делается, например, в нашей благородной школе, уважая в то же время религиозные чувства евреев. Если же они хотели распространить греческую религию, то должны были добиваться этого речами и философскими диспутами, а не силой. Более того, необходимо отметить, что действия мятежников, пусть и достойные осуждения, продемонстрировали дух героизма и

Р Е К Р У Т

благородства, который, как многие думали, уже давно угас в еврейском народе. Начав безнадежную борьбу, когда под угрозой находится всего лишь идея, они последовали по стопам старинных героев, о которых слагают песни греческие поэты. В этом плане, данное восстание можно рассматривать как триумф духа эллинизма, и я заключаю с надеждой, что после того, как будут устранены негативные последствия это досадного происшествия, эта стойкость небольшой группы послужит примером для будущих поколений молодых евреев и будет вдохновлять их на стойкость и благородство.

Пока он все это говорил, учитель изменялся в лице, и под конец оно совсем побагровело. Наконец, он произнес:

— Дорогой мой Фидий! Похоже, наша школа ничему тебя не научила. Либо ты смеешься над серьезными вещами, либо ты самый неразумный в мире еврейский мечтатель. Признать поступок неправильным и в то же время называть его благородным, да еще и сравнивать его с великими подвигами греческих героев, — это худший пример софистики и закрывания глаз на истину. Давно я такого не видел! Обвинять императора в нетерпимости — а тебе хорошо известно, что нынешняя новая политика ведется по его указу, — это не только бунтарство, но и наивысшая дерзость. Ты, кажется, также полагаешь, что следует терпимо относиться к каждому местному суеверию, стоящему на пути просвещения, прогресса и целостности империи? А разве ваши собственные племенные законы терпимы к другим религиям? И почему евреи не протестовали, когда другие племена были склонены к принятию воистину универсальной греческой религии, в которой и философ, и прачка, и солдат, и купец, каждый может найти бога, который ему по душе? И разве это применение силы — не вынужденная мера, вызванная исключительно упрямством евреев, единственных из всех бывших варварских племен оставшихся непокорными? И, наконец, как можно рассматривать этот гнусный бунт как протест против нетерпимости, когда первым действием бунтовщиков было убийство набожного и невинного человека, их собрата еврея, во время принесения жертвы? Нет, дорогой мой Фидий, я вижу, что ты воистину низко пал! Несмотря на внешнее приличие твоих слов, ты сам больше чем наполовину бунтарь. Отчасти это и наша вина. Мы пренебрегли своими обязанностями и слишком тебя избаловали, надеясь, что тебя удастся убедить логикой. Я наблюдал за тобой во время церемонии жертвоприношения, и знаю точно, о чем ты тогда думал. Нет, я поставлю вопрос перед учительским советом и скажу тебе уже теперь, что собираюсь предложить: завтра ты будешь проводить церемонию жертвоприношения — или будешь предан суду как мятежник и предатель! Не приходи сегодня на занятия. Вместо этого подумай хорошенько, действительно ли ты с нами, с евреями-эллинистами, борющимися со старой суеверной религией раввинов и их Торы. С нами ты или против нас? И завтра выскажешь нам свое решение четко и ясно. Свободен!

* * *

Фидий шел, едва разбирая дорогу. Он был потрясен и испуган. Ему хотелось заплакать, но его учили, что плачут только женщины и трусы. Что он такого сделал? Он только

Р Е К Р У Т

честно высказал свое мнение, которого по-прежнему придерживался. А не этот ли человек когда-то его учил, что нужно всегда говорить только правду, даже ценой собственной жизни? И что необходимо без раздражения выслушивать чужие мнения, даже если они ошибочны? Что следует спорить о предмете, не переходя на личности, и никогда не злиться на оппонента за честно высказанное мнение? Или все эти, казалось бы, хладнокровные и здравомыслящие философы сами не придерживаются собственных принципов? И получается, что они сами в сущности такие же нелогичные, импульсивные и самодовольные, как необразованный народ? Почему тогда он ими восхищался все это время? Нет, не может быть, или – или все это время он был неправ, и любой немытый и простодушный деревенский мальчонка оказался лучше него.

И что же ему теперь делать? Как поступить, когда жизнь в опасности? Подчиниться силе и притвориться, что сменил свои взгляды? Но тогда как он может продолжать изучать философию, если чувствует, что его учителя — негодяи, которые вынуждают его жить по лжи? Да и не мог он так поступить! Приносить жертвы Гермесу?! Да, он нарушил много законов, но все-таки он еще еврей! Он не отвергнет истинного Б-га!

Может быть, покончить с собой, как Сократ? Нет! Сократ был осужден на смерть в суде после того, как героически защищался, он знал, за что умирал, он не бежал с поля боя.

Бежать? Может быть, именно этого ожидал от него учитель? И потому никто не помешал ему выйти из школы? — теперь он заметил, что уже давно ушел далеко от здания школы и находится среди виноградников в долине Кидрона. Но какой смысл бежать? В конце концов его поймут, если того всерьез захотят агенты, а тогда его назовут не только предателем, но еще и трусом — и на этот раз будут правы! Нет, он не предатель, он предан императору и любит греческий образ жизни — но почему они не хотят оставить в покое религию?

* * *

Что это? Что-то зашелестело в виноградниках у дороги. В это время года никто не мог собирать виноград — он еще не созрел. Может быть, заблудшая коза? Фидий решил проверить.

Он перелез через каменный забор и пошел по направлению звука. Там действительно кто-то был. Фидий увидел, крадущегося сквозь виноградник мальчика примерно его возраста, но одетого по-еврейски, в длинную тунику, в какие одевались студенты ешивы. На него был надет Тфилин. Но почему он прятался? Когда Фидий почти догнал его, мальчик неожиданно развернулся — и в его руке блеснул кинжал.

— Стой! — скомандовал он по-гречески, — или ты умрешь!

— В чем дело?! — крикнул Фидий по-еврейски. — Почему ты мне угрожаешь? Я только хотел посмотреть.

Р Е К Р У Т

— Ты еврей, — отвечал тот, — но одет, как грек!

И, занеся кинжал, потребовал:

— Говори, на чьей ты стороне?

— На чьей стороне? — не понял Фидий, — О чем ты? А, ты имеешь в виду бунт? Но это местное происшествие, далеко отсюда! Что ты делаешь здесь, в Иерусалиме?

— Это уже не местный бунт, — ответил студент ешивы. — Это битва, в которой должен сражаться весь народ Израиля. И мне нужно знать, на чьей ты стороне, ибо я не могу допустить, чтобы ты предал меня солдатам.

— Ах вот оно в чем дело! — выдохнул Фидий, — Ну что ж, обещаю, что никому не скажу, что тебя видел. Клянусь именем Б-га Израиля!

— Клянешься именем Б-га Израиля? — не успокаивался мальчик, — Но веришь ли ты в Него? Следуешь за Ним? Ты на Его стороне? Ты ведь эллинист, так?

— Я верю в Б-га, — заявил Фидий. — И завтра, быть может, мне предстоит отдать за Него жизнь!

И он рассказал мальчику о случившемся.

— И ты еще колеблешься?! — спросил партизан. — Ты говоришь, что не уступишь. Так зачем отдаваться им на убиение, если твоя задача — победить их? Иди к нам и вступай в наши ряды!

— Но что толку от всего этого? — вопрошал Фидий. — Как долго вы надеетесь продержаться? Сейчас вы скрываетесь в горах. Но как только армия получит подкрепления, вас всех убьют.

— Господи! — воскликнул партизан, — И так говорит человек, который когда-то изучал Тору и Пророков! Разве ты не знаешь, что Б-г может помочь как многочисленным, так и немногим? Разве не помнишь Гидона и Йонатана, и Хизкияху? А если на то воля Б-га, что мы умрем — не в том ли наш долг, чтобы умереть, но не поклоняться идолам?

— Но чего вы надеетесь добиться? Допустим, вам удастся изгнать имперскую армию из Иудеи, во что вы хотите превратить страну? Вы хотите отказаться от всего, чему мы за все это время научились у греков, и вернуться к жизни пастухов?

— Да разве в этом дело?! — взорвался мальчик. — Мы можем и не отказываться от науки и ремесла, они принадлежат всем! Но дело не в этом! На протяжении более ста лет наш народ получал дары от греков и дал обмануть себя сладкими речами. Мы разленились в этом богатстве, которое они принесли в нашу страну, и — прости нас Б-же! — мы перестали серьезно относиться к Его заповедям. Ты только один из эллинистов и не худший из них. Но по всей стране теперь еврейские дети подрастают в афинской культуре, с ее искусствами и философией, спортом и мифами — и не зная единого слова

Р Е К Р У Т

Торы! А теперь они хотят, чтобы мы еще и служили их идолам! И ты ведь сам видел, что философия никак не улучшает человеческий характер. Твой учитель философии хочет тебя убить во имя идолов, в которых скорее всего сам не верит, — а если верит, то тем глупее его философия. Чувь все это, красивая, но пустая болтовня! Главное — они язычники, и хотят лишь удовольствий и господства над всеми остальными. У нас есть Тора — только у нас! — но вместо того, чтобы обучать других истинам и красоте Б-жьей Торы, мы сами шаг за шагом учимся быть такими, как они. Теперь они, наконец, показали свое истинное лицо. Где же их философия, где их демократия и мораль, если они убивают людей, даже женщин и детей только потому, что они не променяют истинного Б-га на их голые статуи? Они такие же монстры, как все враги Б-га! Нет, хуже! Потому что им нужны даже не наши тела, а наши души!

Они продолжали стоять молча. Какая пламенная речь, думал Фидий, какой смелый и решительный мальчик! А я, с моей военной подготовкой, спортом и философией? Это я должен быть благородным, готовым «умереть по имя истины». Может быть, он прав, а я занимался словоблудием в то время, как истекала кровью душа моего народа. И это называется дух Эпаминонда — нет, не так! — и это называется дух потомка Йефуды?

И, подняв руку, он произнес:

— Скажи мне, куда идти! Отныне я на вашей стороне — на стороне Б-га!

Он прошел путь от партизанских вылазок до больших сражений, в которых была разбита сирийская армия, и далее, до Иерусалима, где удалось вытеснить сирийский гарнизон из района Храма. И, помогая снимать установленные там сирийцами статуи идолов, он вспоминал, как ему удалось изобличить греческую ложь в собственных взглядах. А когда он узнал о произошедшем тогда чуде светильников, он понял, что свет Торы никогда не угаснет, а в один прекрасный день он воссияет на весь мир.

O. Y. Baddiel

Yeshiva of Kishinev School

Kishinev, Moldova

O. И. Баддиль

Ешива Кишневской Школы

Кишинэу, Республика Молдова

***Translated from the English by Mr Alexander Sandler and Rabbi Meir Moutchnik,
to whom many thanks.***

***Перевод с английского Александра Сандлера и Меира Мучника,
которым выражается благодарность.***